

П.А. А в а к о в

АЗОВСКИЙ ПОХОД БУЛАВИНЦЕВ 1708 г.

Еще четверть века назад восстание донских казаков под предводительством Кондратия Афанасьевича Булавина 1707–1709 г. относилось к числу приоритетных проблем отечественной исторической науки. С прекращением воздействия на исторический нарратив идеологического пресса, побуждавшего историков смотреть на антиправительственные движения прошлого сквозь призму марксистского учения о классовой борьбе, интерес к ним заметно снизился. Следствием отмеченной тенденции стало резкое сокращение исследований, посвященных народным восстаниям в России, в том числе Булавиному.

Несмотря на серьезные достижения советской историографии, создающие иллюзию всесторонней и доскональной изученности Булавиного восстания, многие его сюжеты все еще ждут своего самостоятельного исследования. К числу таких сюжетов принадлежит и одно из ключевых событий этого движения — неудачный поход булавиновцев на Азов в июле 1708 г., который можно считать апогеем всего восстания. Хотя данный эпизод неизменно освещается во всех работах, исследующих историю восстания, начиная с трудов А.И. Ригельмана и И.И. Голикова¹, специальному изучению он еще не подвергался. Традиционно эта военная операция интересовала историков лишь с точки зрения ее влияния на судьбу движения К.А. Булавина и поэтому освещалась в литературе кратко и несколько схематично. В настоящей статье мы попытаемся определить цели и задачи Азовского похода булавиновцев, установить соотношение сил противоборствующих сторон и проследить ход сражения.

Присоединение к России Северо-Восточного Приазовья в 1696 г. и его последующая правительственная колонизация не могли не вызвать недовольства широких слоев донского казачества: в военно-политической организации и жизненном укладе которого на рубеже XVII–XVIII в. еще сохранялись рудименты былой свободы и мечтания о возрождении уходящей вольницы. В историографии неоднократно отмечалось, что в это время Войско Донское попало под контроль администрации Азова. Однако степень этого контроля переоценивать не стоит: автономия Войска не была отменена и его атаман не перешел в прямое подчинение азовского губернатора. Тем не менее войсковые власти вынуждены были тесно сотрудничать с руководством российского Приазовья и выполнять его отдельные поручения, но лишь по указу из Москвы.

По иронии судьбы, впервые прямая военная угроза нависла над Северо-Восточным Приазовьем не со стороны внешнего врага — Османской империи, а с тыла — со стороны донского казачества. Вспыхнувшее на Дону в 1707 г. восстание под предводительством К.А. Булавина напрямую затронуло города-крепости Азов и Троицкий (на Таган-Рогге).

III. ПУБЛИКАЦИИ ИСТОЧНИКОВ

В то время Северо-Восточное Приазовье представляло собой небольшой анклав, со всех сторон окруженный землями Войска Донского (на севере), Османской империи и Крымского ханства (на западе, юге и востоке) и на сотни верст удаленный от ближайших территорий Великороссии². В начале 1708 г. общая численность населения Азова и Троицкого превышала 15000 человек. Среди них была масса людей, способных примкнуть к булавинцам: работные и ремесленные люди, жилые солдаты, матросы Азовского флота, каторжники, посадские люди и пашенные крестьяне, в числе которых было немало «свейских полоняников»³. Петр I резонно опасался, что К.А. Булавин сможет «тайно взмунуть» жителей приазовских крепостей, и 28 мая указывал азовскому губернатору Ивану Андреевичу Толстому: «...как возможно храни гварнизоны от прелшенья, для чего и денег не жалай»⁴.

Тревога Петра I была не случайна, так как он знал о намерениях булавинцев захватить приазовские крепости, «и побить воевод, и начальных людей, и немцев, и тюрьмы распустить». Уже в сентябре 1707 г., через несколько дней после убийства в Шульгине городке полковника князя Ю.В. Долгорукого, К.А. Булавин объявил о необходимости совершить с повстанцами поход на Азов и Троицкий с целью освобождения находящихся там «ссылочных и каторжных, которые им будут верные товарищи». В апреле 1708 г. козловец Козьма Анциферов сообщил на допросе о планах булавинцев взять приазовские крепости, «чтоб то место, где ныне Озов и Тоганрог, очистить, чтоб было все их, казачкое». Сам К.А. Булавин писал в июне И.А. Толстому, что его и офицеров он собирается «побить до смерти»⁵.

Азов и Троицкий, как форпосты государства у южных границ земли Войска Донского, представляли для К.А. Булавина прямую и явную угрозу. Азовский губернатор с самого начала восстания фактически возглавлял борьбу с ним на месте вплоть до прибытия на Дон лейб-гвардии майора князя В.В. Долгорукого. Так, весной 1708 г. И.А. Толстой по просьбе войскового атамана Лукьяна Максимова направил в Черкасск «для оберегательства» десять азовских пушкарей и конный казачий полк полковника Николая Васильева с калмыками. Но это не помогло изменить ситуацию: разбив 9 апреля на Верхнем Дону войско Л.М. Максимова, К.А. Булавин беспрепятственно двинулся к Черкасску и 1 мая овладел городом. После казни войскового атамана он занял его место во главе Войска⁶. Стремясь ослабить бунтовщиков, И.А. Толстой вел с помощью лояльных казаков разведывательную и подрывную деятельность в Черкасске. Ему удалось организовать угон в Азов войскового табуна из 11000 лошадей с целью предотвращения возможного бегства К.А. Булавина в Прикубанье, на территорию Крымского ханства. 2 июня эту операцию осуществили 200 казаков Азовского и Троицкого конных полков, 100 азовских крещеных калмыков и 42 донских казака, в разное время бежавших из Черкаска в Азов⁷.

В мае 1708 г. три походных войска повстанцев отправились из Черкаска к Изюмской черте, на Хопер и в Поволжье⁸. Несмотря на распыление своих сил, К.А. Булавин все-таки решил организовать поход на Азов. Подготовка к нему началась в июне.

8 июня атаман отправил посланцев на Кубань к ногайским мирзам с предложением, «чтоб Кубанская орда, собрався, пришла к нему в Черкасской и чтоб с ними заодно итить к Азову». Также он просил ногайцев пригнать 2000 лошадей на продажу, но те прислали лишь 500 голов. В тот же день К.А. Булавин послал И.А. Толстому войсковую отписку, в которой угрожал «итить войною к Азову и Троицкому» и требовал вернуть конский табун, гарантируя амнистию казакам, участвовавшим в его угоне. Одновременно атаман приступил к рассылке грамот в казачьи городки «по всем рекам», призывая их жителей в Черкасск «з десятка по 6-ти человек» (по другим данным — по семь человек из десяти), чтобы «итить к Азову войною». В этом была суровая необходимость, так как в войсковой столице в то время находилось менее 2000 казаков. На войсковом кругу, состоявшемся в Черкасске 13 июня,

III. ПУБЛИКАЦИИ ИСТОЧНИКОВ

К.А. Булавин даже объявил дату, на которую намечался «приступ к Азову» — 14 июня. Но казаки, присутствовавшие на кругу, констатировали, что их «малоллюдно», и до прибытия казаков с Верхнего Дона просили отпустить их на сенокос. Атаман вынужден был согласиться⁹. Поход пришлось отложить почти на три недели.

Какие цели преследовал лидер повстанцев, организовывая операцию против Азова, и какие конкретные задачи он намеревался при этом решить, из источников неясно. Тем не менее в историографии утвердилась точка зрения о намерении К.А. Булавина овладеть Азовом. По мнению Е.П. Подъяпольской, взятие этой крепости восставшими могло обезопасить их с тыла и позволило бы им «более активно действовать в северном направлении»¹⁰. По сведениям запорожского казака Трофима Верховида, находившегося в то время в Черкасске, К.А. Булавин отправил «к Азову для отгону лошадей, а не для взятия и разорения» Игната Некрасова, который якобы «приступал к Азову под слободы своею волею»¹¹. Достоверность этого свидетельства вызывает сомнение, поскольку точно известно, что И. Некрасов в походе не участвовал: он еще 13 мая покинул Черкасск и в начале июня находился в Царицыне¹². Удивительно, что ложные слухи о руководстве И. Некрасовым этой операцией в то время достигли даже Турции, где нашли отражение в анонимном трактате об османских крепостях Северного Причерноморья и Приазовья и в официальной хронике османского историографа Мехмеда Рашида¹³. С другой стороны, побывавшие в середине июня в расположении повстанческого войска атамана С.А. Драного трое служилых казаков из Маяцкого острога были уверены, что «Булавин Озов доставать конечно хочет, для того что из Азова табуны у них угнали...». Так или иначе, но войсковой табун, угнанный из Черкаска при участии верноподданных донцов, среди которых ведущую роль играл Василий Фролов — сын бывшего войскового атамана Фрола Минаева (и будущий войсковой атаман), действительно был размещен под охраной на Каланчинском дельтовом острове, напротив Азова¹⁴.

Запорожцу Т.И. Верховиду принадлежит уникальное свидетельство о существовании в Азове некоего заговора в пользу восставших. По его утверждению, незадолго до выступления булавинцев в поход на Азов, оттуда в Черкасск пришли «переметчиков человек з 20 тумов», которые звали их, «чтоб они пришли к Озову, и они Озов здадут». Когда булавинцы направились к городу, эти «переметчики» пошли с ними «и стояли под Озовом сутки», а в это время «выходили к ним озовские жители и з донскими казаками меж себя говорили», но о чем, «он не знает, стоя долече». После этих странных переговоров азовцы вернулись в город, а булавинцы «к себе в обоз». Е.П. Подъяпольская полагала, что упомянутые «переметчики» это сторонники К.А. Булавина из числа жителей Азова, бежавшие из города после раскрытия их заговора, о существовании которого спустя 70 лет сообщил А.И. Ригельман¹⁵. Однако в синхронных источниках сведения об этом заговоре отсутствуют.

Представляется, что суть описанных Т.И. Верховидом событий была иной. Запорожец неслучайно назвал перебежчиков из Азова «тумами», то есть полукровками¹⁶. Именно так в ряде документов того времени названы те тридцать три верноподданных казака, которые бежали из Черкаска в Азов после отгона туда войскового конского табуна — «тумы Василей Фролов с товарищи»¹⁷. То есть Т.И. Верховид считал их «переметчиками» не потому, что они бежали из Азова в Черкасск, а наоборот. Причину их возвращения в Черкасск, вероятно, следует связывать с провокацией, отголоски которой дошли до жившего Османской империи современника. Уже упоминавшийся анонимный османский автор писал о казаках из Азова, которые «вступили на путь хитрости» и сообщили булавинцам через посланца: «Если вы захотите, мы покоримся вам, откроем ворота и передадим вам крепость». К.А. Булавин, «приняв за истину все их ответы», сам остался в Черкасске, а в Азов во главе своего войска якобы послал казака «по имени Инад» (т. е. И. Некрасова). «Хитрое

Ш. ПУБЛИКАЦИИ ИСТОЧНИКОВ

Ил. 1. Реконструкция маршрута Азовского похода булавинцев 1708 г.

намерение казаков» из Азова, вероятно, заключалось в создании иллюзорной надежды на успех операции¹⁸. Возможно, К.А. Булавин осознавал, что атаковать город «в лоб» бессмысленно, и рассчитывал захватить его при помощи предателей из числа местных жителей — так же, как он овладел Черкасском. Возвращение двадцати «переметчиков» в Черкасск для булавинцев должно было выглядеть вынужденным и казаться им вполне оправданным, если вспомнить предшествующую этому событию переписку К.А. Булавина с И.А. Толстым. Атаман требовал от губернатора, чтобы он не принимал тум с угнанным конским табуном в Азове и прислал его назад, гарантируя В.Ф. Фролову и его товарищам прощение и одновременно угрожая казнить их жен, детей и родственников¹⁹.

Был ли у булавинцев реальный шанс овладеть Азовом? Думается, что нет. В 1708 г. Азов уже давно не имел ничего общего с той далеко не первоклассной крепостью, которой овладели в 1637 г. донские и запорожские казаки²⁰. Вспомним, что Петр I в 1696 г. смог взять город лишь в результате повторной осады, построив специально для этого военно-морскую флотилию и увеличив осадный корпус вдвое — до 70000 человек²¹. После этого в течение одиннадцати лет Азов планомерно укрепляли под руководством иностранных специалистов в соответствии с новейшими достижениями европейской фортификации. К 1708 г. основная часть этих работ уже была выполнена.

В плане Азов представлял собой неправильный ассиметричный многоугольник, широкой стороной повернутый к реке. Он имел земляную наружную ограду с обращенными в поле тремя бастионами и примыкавшими к Дону двумя полубастионами, периметр которой составлял 1046 сажень и 2 фута (2233 м). Эскарп главного вала был выложен из

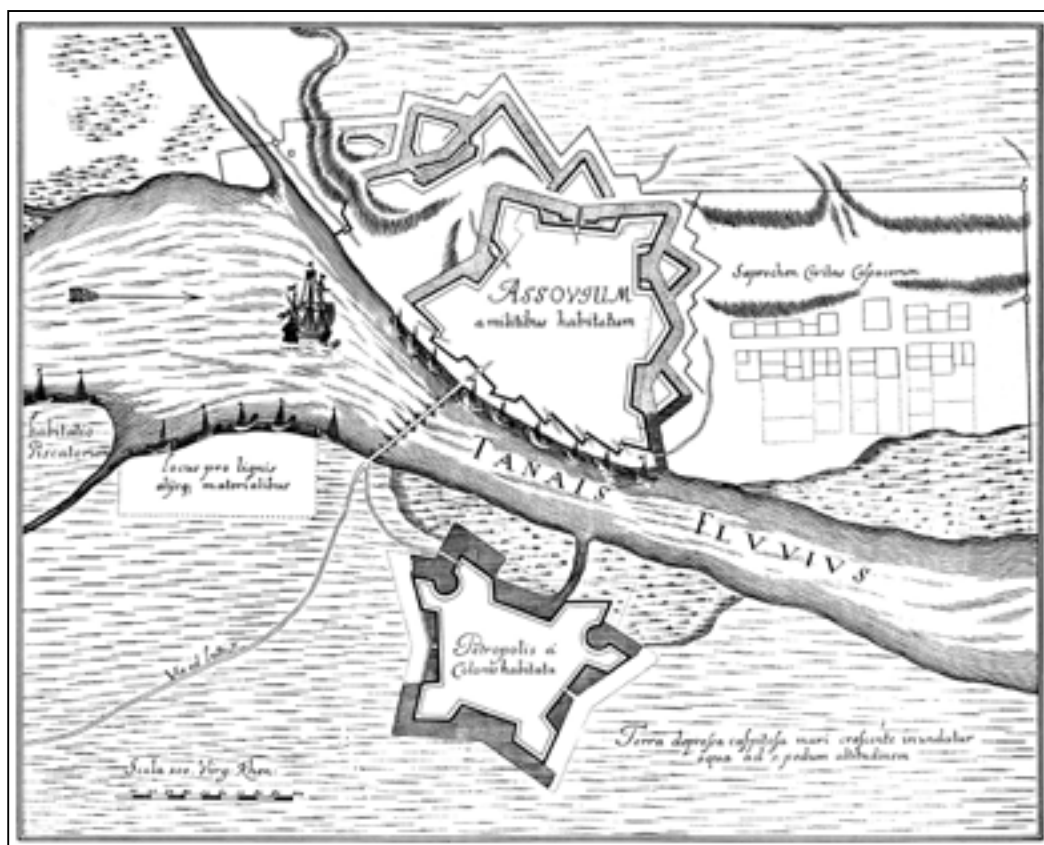
III. ПУБЛИКАЦИИ ИСТОЧНИКОВ

кирпича. Три куртины из четырех прикрывали рavelины. Дополнительную защиту города с восточной стороны обеспечивал Алексеевский горнверк из двух полубастионов и реданта, также усиленный рavelином. Слабую горжку Азова защищала недостроенная крепость на правом берегу Дона — «город Петровский», в виде бастионного четырехугольника трапециевидной формы, длинной стороной обращенного к реке. Земляную ограду Петровского окружал частично вырытый ров шириной в 20 саженой (42 м). С противоположной стороны Азов огибал ров, наполненный водой из Дона, с гласисом и частоколом впереди (см. Ил. 2)²². Город располагал довольно многочисленным гарнизоном — 3732 человека, по данным на январь 1708 г. В систему обороны Азова входили стоявшие поблизости на Дону военные суда Азовского флота, а также защищавшие подступы к нему укрепления Сергиев и Никонов, расположенные на обоих берегах рукава Каланча²³. Артиллерия Азова (в том числе горнверка Алексеевского), Петровского, Сергиева и Никонова в 1709 г. насчитывала 297 орудий разного калибра²⁴.

5 июля 1708 г. из Черкаска к Азову отправилось казачье походное войско во главе с атаманами Лукьяном Хохлачем, Иваном Гайкиным и Карпом Казанкиным. И. Гайкин командовал казачьей флотилией («плавной»), а К. Казанкин возглавлял конницу. По данным, исходящим от руководившего обороной города товарища азовского губернатора Степана Васильевича Киреева, численность пехотного и конного войска бунтовщиков доходила до 5000 человек. А.П. Пронштейн и Н.А. Мининков резонно посчитали это преувеличением, связанным со стремлением И.А. Толстого (поскольку он тогда находился в Троицком, речь должна идти о его заместителе С.В. Кирееве) «подчеркнуть свои заслуги в победе над булавинцами». По данному вопросу существует еще одно свидетельство, до сих пор не введенное в научный оборот. Казак Казанского городка Евсей Мельников, бежавший в мае 1708 г. из Черкаска в Азов, сообщил на допросе в Воронеже 5 августа, что «вор Булавин отрядил от себя для воровства к Азову вора Карпушку Казанкина конницею, Лучку Хохлача судами, с ним четыре тысячи человек». В данном случае неясно, относится ли названное число ко всему булавинскому войску, отправленному к Азову, или лишь к той его части, которая находилась на судах под командованием Л. Хохлача. По словам же Т.И. Верховида, под Азов по суше и «в 12-ти мореходных лотках» отправилась тысяча булавинцев, в том числе 60 запорожцев²⁵. Последние количественные данные представляются более достоверными. Сомнительно, что в условиях разделения повстанческих сил, с середины мая действовавших одновременно на трех направлениях (в Прихоперье, Поволжье и в районе Изюмской черты), К.А. Булавину удалось мобилизовать для похода к Азову 5000 человек, учитывая те сложности, которые помешали сделать это в середине июня.

Имеются и другие сведения о численности и составе направленных к Азову сил булавинцев, полученные, правда, опосредованно. 18 июня вернувшиеся от повстанческого атамана С.А. Драного трое маяцких казаков сообщили бригадиру Ф.В. Шидловскому о приходе к К.А. Булавину «Кубанской орды 2000 человек да их расколщиков с Кубану и с Орокони (р. Аграхань, впадающая в Каспийское море. — П.А.) 1100 человек». Также до них дошли слухи об отправке в Черкасск нескольких сотен запорожцев²⁶. Если сведения о присутствии запорожцев в рядах булавинцев под Азовом (правда, в меньшем количестве) подтверждаются показаниями Т.И. Верховида, то о присоединении к ним ногайцев (и, вероятно, кубанских и аграханских казаков) говорить не приходится, и не только в связи с отсутствием подобных данных в других источниках²⁷. Дело в том, что предупредительный И.А. Толстой, знавший о попытках К.А. Булавина привлечь на свою сторону турок, ногайцев и кубанских казаков, еще 31 мая написал мухачызу Ачуева о бунтовщиках и их лидере, которые «чинят шатости на Дону и пишут от себя в сторону салтанова величества на Кубань к Сартлану-мурзе и к ворам, и

III. ПУБЛИКАЦИИ ИСТОЧНИКОВ

Ил.2. План Азова и Петровского. Гравюра по оригинальному плану Э.Ф. фон Боргсдорфа 1698 г. Ок. 1701 г. (Корб И.Г. Дневник путешествия в Московию : (1698 и 1699 г.). СПб., 1906. 367 с.)

изменникам океаном... (ахреянам²⁸. — П.А.) о многих возмутительных делах к развращению мира Царского Величества с салтановым величеством». Губернатор призвал своего турецкого коллегу «не верить» таким письмам, а тех, кто доставит их в турецкие владения, «переловя, прислать бы в Азов». 6 июля, в день нападения булавинцев на Азов, там было получено ответное послание ачуевского мухадзы Хасана-паши и прибывшего на Кубань из Стамбула капуджибаша Али-аги, сообщивших, что посланцев К.А. Булавина «выслали они с Кубани с бесчестьем». Содержание его писем они довели до сведения крымского хана Каплан-Гирея I, который, в свою очередь, «в Крыму и на Кубани учинили заказ крепкий под великим страхом, чтобы крымцы и кубанцы с азовцами жили смиренно и в дружелюбии и задоров бы никаких не чинили и чтобы в Черкасск к Булавину никто ни для чего отнюдь не ездили и никаким словам его не верили»²⁹. Следовательно, мнение И.И. Голикова о том, что «злодей Булавин был вспомагаем турками и татарами»³⁰, не имеет под собой никаких оснований.

В тот же день повстанцы, направлявшиеся к Азову с северной стороны дельты Дона, переправились через Каланчу на Каланчинский остров и оказались поблизости с Петровским. Посланный из Азова конный казачий полк Н.В. Васильева не смог помешать

III. ПУБЛИКАЦИИ ИСТОЧНИКОВ

восставшим переправится через Каланчу из-за их численного перевеса. Булавинцы заночевали на левом берегу Каланчи. На следующий день, 6 июля, они пошли на приступ Петровского и засели на расположенном рядом с ним складе лесоматериалов под открытым небом. Утверждение Е.П. Подьяпольской о том, что восставшие оказались в черте «Алексеевского городка» и даже заняли его, противоречит данным источников. Горнверк Алексеевский находился на противоположном, левом берегу Дона, на который булавинцам так и не удалось переправиться. Сил для взятия Петровского у них было недостаточно. С.В. Киреев послал против восставших конницу — казачий полк Н.В. Васильева, подкрепленный бежавшими в Азов из Черкаска донскими казаками. Но в завязавшемся у «делового двора» бою, — писал 7 июля С.В. Киреев находившемуся в Троицком И.А. Толстому, — «за многолюдством того воровского собрания одною конницею ис тех мест выбить было невозможно, для того воровской их пехоты было многое число». Булавинцы не только удержали занятую позицию, но и немного продвинулись к Матросской слободе. Для поддержки вылазки конницы С.В. Киреев направил четыре роты солдат. Бой продолжался три часа и завершился поражением бунтовщиков. Важный вклад в победу над ними внесли пушки, которые вели непрерывную стрельбу с валов Алексеевского горнверка, Петровского и Сергиева, а также с судов Азовского флота. Под огнем артиллерии преследуемые силами азовского гарнизона булавинцы обратились в бегство и начали беспорядочную переправу через Каланчу, неся большие потери. По подсчетам С.В. Киреева, 423 повстанца было убито, более 400 утонуло в Дону и Каланче и 60 человек было взято в плен. Схожие цифры позже назвал донской казак Е. Мельников, находившийся во время сражения в Азове и, возможно, участвовавший в бою против булавинцев: «...тех воров побито семьсот человек, живем взято шездесят семь человек». Со стороны защитников города потери составили одного человека убитым и десять человек ранеными, как доложил С.В. Киреев губернатору. Их трофеями стало «воровское» знамя, большое количество ружей, панцирей и лошадей. «Воистину, государь, — писал И.А. Толстой князю А.Д. Меншикову 24 июля, — удивлению достойно, какими малыми людьми такое великое воровское собрание побито...»³¹.

Источники позволяют получить приблизительное представление о численности военного контингента, посланного 6 июля из Азова против булавинцев. По данным донесения И.А. Толстого в Разряд от 8 декабря 1708 г., в «воровской приход» в сражении участвовал азовский конный казачий полк в составе 298 человек, в том числе полковник, 5 ротмистров, 6 поручиков, писарь и 279 рядовых казаков. В бою с бунтовщиками отличились также верные царю донские казаки из Черкаска под предводительством В.Ф. Фролова. Их отряд насчитывал 37 человек, по крайней мере, такое количество казаков во главе с В.Ф. Фроловым просило у князя В.В. Долгорукого «за службу свою воздаяния» в конце 1708 г. Помимо 33 донцов, перебежавших в Азов одновременно с угоном войскового конского табуна, в эту группу, вероятно, входило шестеро из девяти казаков, покинувших Черкасск ранее («Алексей Мартинов с товарищи»). Численность сосланных в Азов разжалованных офицеров на январь 1708 г. составляла тридцать два человека. Тогда же в крепости находилось пятнадцать ссыльных дворян³². Однако не всем из этих сорока семи человек довелось участвовать в вылазке против булавинцев. Согласно донесению И.А. Толстого от 8 декабря 1708 г., «на бою» были лишь четырнадцать «бывших афицеров» с десятью своими людьми (слугами), причем в ходе сражения им удалось захватить в плен восемь «воров». Остальные ссыльные офицеры «против тех воров все желали ехать, токмо одержаны были для осадного времени и для всяких нуждных случаев в Азове», — писал И.А. Толстой в Разряд³³. Рота недоукомплектованных в то время азовских жилых солдатских полков (в трех полках числилось всего 878 солдат)³⁴ могла насчитывать не более ста человек, следовательно, направленные

III. ПУБЛИКАЦИИ ИСТОЧНИКОВ

против булави́нцев четыре роты состояли примерно из четырехсот солдат. Получается, что пятитысячное войско повстанцев было разбито контингентом в количестве около 860 человек, в том числе до 400 человек пехоты и 459 человек конницы.

Поражение повстанцев под Азовом стало прелюдией краха К.А. Булавина: на следующий день, 7 июля, он был убит заговорщиками в Черкасске. Активную роль в этом сыграл К. Казанкин, который, по имеющимся у князя В.В. Долгорукого данным, организовал также убийство Л. Хохлача (по свидетельству Е. Мельникова, Л. Хохлач был «застрелен из лука» в ходе боя под Азовом). В тот же день новым войсковым атаманом был избран старшина Илья Григорьевич Зернщиков, участвовавший в заговоре. 8 июля по его распоряжению в Азов «для уверения» был привезен труп К.А. Булавина. И.А. Толстой приказал отсечь у него голову и отдал ее на сохранение лекарям, предполагая, что она заинтересует царя. Тело атамана повесили за ногу недалеко от Петровского, на месте недавнего боя³⁵.

С военной точки зрения Азовский поход булави́нцев был абсолютной авантюрой. Неслучайно сам К.А. Булавин предпочел в нем не участвовать и остался в Черкасске. Следовательно, он либо не придавал операции большого значения, либо заранее сомневался в ее успехе. Судя по всему, истинной целью похода было все же не взятие города, а отгон к Черкасску табуна Войска Донского, необходимого булави́нцам для бегства на Кубань, которое в условиях надвигающейся угрозы в лице корпуса князя В.В. Долгорукого могло стать единственным спасением. Маловероятно, чтобы атаман всерьез надеялся овладеть городом, для осады которого у него не было ни ресурсов, ни времени. Подтверждением этому служит выбранное командованием повстанческого войска направление удара: булави́нцы подошли к Азову не по левобережью Дона — с юга, а с северной стороны, где подступы к городу преграждали Петровский и река. Именно у Петровского был размещен войсковой конский табун. Там же стояли и военные суда Азовского флота, чья артиллерия оказалась губительной для атакующих, которые даже не смогли приблизиться непосредственно к Азову.

Рассмотренный фактический материал позволяет предположить, что при организации нападения на Азов К.А. Булавиным не в последнюю очередь двигали своекорыстные интересы популистского характера. Создавая видимость реализации давно декларируемого намерения уничтожить Азов, повстанческий лидер отвечал чаяниям значительной части своих сторонников (как убежденных, так и вынужденных), усматривавших угрозу казачьим интересам со стороны этого оплота государственной власти, и тем самым сохранял свое лицо.

Таким образом, Азовский поход булави́нцев призван был решить не только военные, но и политические задачи, стоявшие перед К.А. Булавиным. Катастрофа, постигшая булави́нцев под Азовом (как и разгром отряда С.А. Драного у реки Северский Донец), послужила катализатором, ускорившим трагическую развязку в Черкасске и оказавшим решающее воздействие как на исход восстания, так и на судьбу самого К.А. Булавина.

1708 г., декабря 8. — *Из отчетных «статей» азовского губернатора Ивана Андреевича Толстого в Разрядный приказ в ответ на ранее полученные указные «статьи»*

Против воров и бунтовщиков булави́нцев, как они приходили к Азову, на бою были бывшие афицеры, которые сосланы в Азов. А кто имяны и по сколку с ними людей их было и кто с того бою тех, воров взяв, живьем в Азов привели писано // л. 69 об.
ниже сего: л. 70

Князь Дмитрий княж Андреев сын Колцов-Мосалской, с ним 2 человека.
Князь Иван княж Алексеев сын Вадбалской, с ним 2 человека.

III. ПУБЛИКАЦИИ ИСТОЧНИКОВ

- Князь Иван княж Борисов сын Лвов.
Князь Федор княж Савинов сын Горчаков, с ним 2 человека, с собою привели 4-х человек.
Василей Тимофеев сын Аргамаков, с собою привел 1-го человека.
Василей Иванов сын Еропкин, с ним 2 человека.
Иван Большой Иванов сын Булгаков, с ним 2 человека.
Иван Меншой Иванов сын Булгаков, с ним 1 человек.
л. 70 об. Гаврило Богданов сын Засецкой, с собою привел 1-го человека. // Григорей Федорович сын Черевин.
Антон Ларионов сын Бернов, с собою привел 2 человек.
Демид Яковлев сын Петров-Саловой.
Григорей Михайлов сын Минин.
Гаврило Гаврилов сын Малыгин.
А достальные присланные в Азов бывшие афицеры против тех воров все желали ехать, токмо одержаны были для осадного времени и для всяких нуждных случаев в Азове. //

Цифры кириллические. Скрепя дьяка А.К. Рудеева, справа старого подьячего И.А. Бубнова.

РГА ВМФ. Ф. 176 (Адмиралтейская канцелярия при Адмиралтейств-коллегии). Оп. 1. Д. 54. Л. 69 об. – 70 об. (Подлинник).
Публикуется впервые.

-
- ¹ Ригельман А.И. История о донских казаках. Ростов н/Д., 1992. С. 139–140 ; Голиков И.И. Деяния Петра Великого, мудрого преобразителя России, собранные из достоверных источников и расположенные по годам. М., 1788. Ч. 2. С. 447 ; Сухоруков В.Д. Историческое описание земли Войска Донского. Ростовн/Д., 2001. С. 406 ; Чаев Н.С. Булавинское восстание (1707–1708 гг.) // Булавинское восстание : (1707–1708 гг.). М., 1935 (Труды Историко-археографического института АН СССР. Т. 12). С. 47–49 ; Подъяпольская Е.П. Восстание Булавина 1707–1709 гг. М., 1962. С. 154–157 ; Пронштейн А.П., Мининков Н.А. Крестьянские войны в России XVII–XVIII веков и донское казачество. Ростов н/Д., 1983. С. 266–269 и др.
- ² Аваков П.А. Северо-Восточное Приазовье в составе Российского государства в конце XVII – начале XVIII в. : завоевание, колонизация, управление : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02. Ростов н/Д., 2011. С. 120–121.
- ³ РГА ВМФ. Ф. 176 (Адмиралтейская канцелярия при Адмиралтейств-коллегии). Оп. 1. Д. 54. Л. 556–562 об. ; Аваков П.А. Северо-Восточное Приазовье в составе Российского государства... С. 122–123, 158–160, 194–196, 232–234.
- ⁴ ПБИПВ. Пг., 1918. Т. 7, вып. 1. № 2355. С. 148 ; № 2366. С. 154 ; № 2372. С. 160 ; № 2403. С. 188 ; № 2405. С. 189.
- ⁵ Булавинское восстание. № 15. С. 130 ; № 43. С. 200 ; № 45. С. 206 ; № 83. С. 264 ; ПБИПВ. М. ; Л., 1946. Т. 7, вып. 2. Примеч. к № 2355. С. 649 ; Примеч. к № 2408. С. 838.
- ⁶ Булавинское восстание. № 57. С. 230–231 ; № 60. С. 233 ; № 66. С. 238–239 ; № 81. С. 260–261 ; ПБИПВ. Т. 7, вып. 2. Примеч. к № 2355. С. 649 ; Примеч. к № 2382. С. 747 ; Подъяпольская Е.П. Восстание Булавина 1707–1709 гг. С. 143–145 ; Пронштейн А.П., Мининков Н.А. Крестьянские войны в России ... С. 248–250.
- ⁷ ПБИПВ. Т. 7, вып. 2. Примеч. к № 2372. С. 736 ; Булавинское восстание. № 80. С. 258 ; № 83. С. 264 ; Новое о восстании К. Булавина // Исторический архив. 1960. № 6. С. 122 ; № 2. С. 126–127, 129–131 ; РГАДА. Ф. 9. Оп. 3. Д. 7. Л. 1262–1262 об. ; Подъяпольская Е.П. Восстание Булавина 1707–1709 гг. С. 164 ; Пронштейн А.П., Мининков Н.А. Крестьянские войны в России ... С. 264–266.
- ⁸ Булавинское восстание. № 84. С. 267 ; № 93. С. 276 ; № 216. С. 423–424 ; Подъяпольская Е.П. Восстание Булавина 1707–1709 гг. С. 150–154.
- ⁹ Булавинское восстание. № 83. С. 264 ; № 84. С. 266 ; № 87. С. 269–270 ; № 93. С. 275–276 ; № 96. С. 278 ; ПБИПВ. Т. 7, вып. 2. Примеч. к № 2405. С. 821–822 ; Подъяпольская Е.П. Восстание Булавина 1707–1709 гг. С. 155–156.
- ¹⁰ Подъяпольская Е.П. Восстание Булавина 1707–1709 гг. С. 154–155.

III. ПУБЛИКАЦИИ ИСТОЧНИКОВ

- ¹¹ Булави́нское восста́ние. № 111. С. 296 ; № 112. С. 297–298.
В опубликованных в этом издании показаниях запорожца Трофима Ильича Верховида от 14 июня 1708 г. его прозвище передано неверно: «Верховир». Ошибка обнаружилась при знакомстве с оригиналом документа (РГАДА. Ф. 9. Оп. 3. Д. 7. Л. 835).
- ¹² Булави́нское восста́ние. № 216. С. 423–424 ; *Подьяпольская Е.П.* Восстание Булавина 1707–1709 гг. С. 164 ; *Максимов Е.К., Мезин С.А.* Города Саратовского Поволжья петровского времени. СПб., 2010. С. 105–106.
- ¹³ Турецкий трактат об османских крепостях Северного Причерноморья в начале XVIII в. // Восточные источники по истории народов юго-восточной и центральной Европы. Т. 2. М., 1969. С. 129 ; *Галенко О.И.* Східна Європа 1704–1709 рр. у висвітленні османської хроніки Мегмеда Рашида // Україна в Центрально-Східній Європі. Київ, 2010. Вип. 9–10. С. 272.
- ¹⁴ Булави́нское восста́ние. № 92. С. 275 ; Новое о восстании К. Булавина. № 2. С. 129–130.
- ¹⁵ Булави́нское восста́ние. № 112. С. 297 ; *Подьяпольская Е.П.* Восстание Булавина 1707–1709 гг. С. 156 ; *Ригельман А.И.* История о донских казаках. С. 140.
- ¹⁶ *Рыблова М.А.* Тумак и лампасы : к вопросу о святительных обрядах донских казаков // Казачество России: прошлое и настоящее : сб. научных статей. Ростов н/Д., 2006. Вып. 1. С. 118–120.
- ¹⁷ Новое о восстании К. Булавина. № 2. С. 129–130, 131 ; ПБИПВ. М. ; Л., 1950. Т. 9, вып. 1. № 2962–2963 ; С. 14, 15.
- ¹⁸ Турецкий трактат об османских крепостях Северного Причерноморья в начале XVIII в. С. 129.
- ¹⁹ Новое о восстании К. Булавина. № 2. С. 131 ; Булави́нское восста́ние. № 83. С. 264.
- ²⁰ *Новосельский А.А.* Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. М. ; Л., 1948. С. 287 ; *Куц О.Ю.* Донское казачество времени Азовской эпопеи и 40-х гг. XVII в. : Политическая и военная история. М., 2014. С. 71.
- ²¹ *Богословский М.М.* Петр Великий : Материалы для биографии: В 6 т. М., 2005. Т. 1. С. 265–279.
- ²² РГА ВМФ. Ф. 233 (Канцелярия генерал-адмирала Ф.М. Апраксина). Оп. 1. Д. 19. Л. 440–443 об. ; *Ласковский Ф.Ф.* Карты, планы и чертежи к II части материалов для истории инженерного искусства в России. СПб., 1861. Л. 31. Ил. 103 ; РГВИА. Ф. 846 (Военно-ученый архив Главного штаба). Оп. 16. Д. 21602 ; РГАДА. Ф. 192 (Картографический отдел библиотеки МГАМИД). Оп. 1 (Екатеринославская губ.). Д. 25.
- ²³ РГА ВМФ. Ф. 176. Оп. 1. Д. 54. Л. 556, 557 об.–559 ; Там же. Ф. 233. Оп. 1. Д. 19. Л. 443 об. ; РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 1535.
- ²⁴ РГАДА. Ф. 9. Оп. 3. Д. 10. Л. 354–354 об., 357–357 об.
- ²⁵ Булави́нское восста́ние. № 108. С. 292 ; № 112. С. 297 ; № 123. С. 311 ; *Пронштейн А.П., Мининков Н.А.* Крестьянские войны в России ... С. 268 ; Новые материалы о восстании на Дону и в Центральной России в 1707–1709 гг. // Материалы по истории СССР. М., 1957. Вып. 5. № 3. С. 539, 543 ; *Подьяпольская Е.П.* Восстание Булавина 1707–1709 гг. С. 155 ; РГАДА. Ф. 9 (Кабинет Петра Великого). Оп. 2. Д. 18. Ч. 1. Л. 594 об.
- ²⁶ Булави́нское восста́ние. № 92. С. 275.
- ²⁷ Данный вопрос стал предметом дискуссии между Д.В. Сенем и О.Г. Усенко. Д.В. Сень, опираясь на процитированные выше данные из донесения Ф.В. Шидловского князю В.В. Долгорукому от 18 июня 1708 г. (историк ошибочно отнес его к «отпискам булави́нцев») и на свидетельство анонимного автора трактата об османских крепостях Северного Причерноморья и Приазовья начала XVIII в., пришел к выводу об участии кубанских казаков «в боевых действиях на Дону летом 1708 г.» на стороне К.А. Булавина (*Сень Д.В.*: 1) «Войско Кубанское Игнатово Кавказское» : исторические пути казаков-некрасовцев : (1708 г. – конец 1920-х гг.). 2-е изд., испр. и доп. Краснодар, 2002. С. 26 ; 2) Казачество Дона и Северо-Западного Кавказа в отношениях с мусульманскими государствами Причерноморья: (вторая половина XVII – начало XVIII в.). Ростов н/Д., 2009. С. 224–225). О.Г. Усенко не без оснований счел такую точку зрения парадоксальной, квалифицировав два вышеупомянутых известия, «явно основанные лишь на слухах» (применительно к изложенным Ф.В. Шидловским показаниям маяцких казаков эта характеристика вполне справедливая), как недостоверные, что «доказывают многочисленные данные других источников». Историк отметил, что «кубанских казаков к 1708 г. было не более 250 человек» и что «никто из очевидцев захвата Черкаска булави́нцами не заметил в их рядах выходцев с Кубани – ни казаков, ни татар» (*Усенко О.Г.* Рецензия на монографию Д.В. Сеня «Войско Кубанское Игнатово Кавказское» : исторические пути казаков-некрасовцев (1708 г. – конец 1920-х гг.). 2-е изд., испр. и доп. Краснодар, 2002. 285 с. // Клио. 2003. № 4 (23). С. 241). Д.В. Сень аргументация рецензента не убедила, а критический подход к анализу источников он посчитал «не менее "парадоксальным" способом уточнения реальности (свершенности) исторических событий». Исследователь рассматривал свидетельства трех маяцких казаков (ошибочно называя их донскими) и османского автора как основание «для определения причинно-следственной связи между непреложным фактом установочного посылка со стороны Булавина ("Я в ожидании помощи!") и

III. ПУБЛИКАЦИИ ИСТОЧНИКОВ

- неслучайным свидетельством о приходе именно к Булавину крупной вооруженной группировки с Кубани» (*Сень Д.В.* Казачество Дона и Северо-Западного Кавказа ... С. 224–226). Однако нельзя исключать того, что сведения о присоединении к К.А. Булавину незадолго до похода к Азову более трех тысяч ногайцев, кубанских и аграханских казаков, полученные маячками казаками в стане повстанческого атамана С.А. Драного, могли быть целенаправленной дезинформацией булавиновцев или, по меньшей мере, беспочвенными слухами. В данном случае происхождение этой информации, на которое Д.В. Сень не обратил внимания, свидетельствует не в пользу ее достоверности. Вместе с тем, вполне возможно, что немногочисленные казаки с Кубани и Аграхани затесались в ряды повстанческого войска и остались незамеченными для сторонних наблюдателей. Но участие ногайцев в осаде булавиновцами Черкасска или Азова, несомненно, должно было привлечь внимание современников и не осталось бы неотмеченным в источниках. Источников о борьбе повстанцев за Черкасск и Азов сохранилось немало, но они упорно молчат о роли в этих событиях ногайцев, кубанских и аграханских казаков. Осведомленность османского автора, писавшего о присутствии кубанских казаков в войске булавиновцев при взятии Черкасска, можно объяснять как наличием в Османской империи собственных информаторов о событиях на Дону (при этом вопрос о достоверности данной информации остается открытым), так и элементарной ошибкой, возникшей в результате соотнесения современником первых кубанских казаков с казаками-некрасовцами, присоединившимися к ним позже, после бегства на Кубань.
- ²⁸ Ахреяне (ахреяны, охреяне), в данном случае – кубанские казаки, подданные крымского хана, проживавшие в г. Копыле, административном центре Кубанской орды (*Сень Д.В.* Ахреяне как образы «чужого» : Славяне Приазовья и Кубани XVII– начала XVIII вв. // *Caucasica* : Труды Института политических и социальных исследований Черноморско-Каспийского региона. М., 2013. Т. 2. С. 139–143).
- ²⁹ Булавиновское восстание. № 80. С. 258 ; № 87. С. 268 ; № 88. С. 269 ; № 245–246. С. 460–465 ; Бумаги, относящиеся к Булавиновскому бунту // РА. 1894. Кн. 3. № 11. № 3. С. 305.
- ³⁰ *Голиков И.И.* Деяния Петра Великого, мудрого преобразителя России ... Ч. 2. С. 447.
- ³¹ *Подъяпольская Е.П.* Восстание Булавина 1707–1709 гг. С. 155–157 ; Булавиновское восстание. № 108. С. 292–293 ; № 115. С. 302–303 ; *Голиков И.И.* Деяния Петра Великого, мудрого преобразителя России ... М., 1789. Ч. 11. № 894. С. 392–393 ; ПБИПВ. М., 1951. Т. 8, вып. 2. Примеч. к № 2498. С. 478 ; Бумаги, относящиеся к Булавиновскому бунту. № 3. С. 303–304 ; Новые материалы о восстании ... № 3. С. 539–544 ; РГАДА. Ф. 9. Оп. 2. Д. 18. Ч. 1. Л. 594 об. ; Архив СПбИИ РАН. Ф. 83 (Походная канцелярия князя А.Д. Меншикова). Оп. 1. Д. 2183. Л. 1 ; Д. 2223. Л. 1 об.
- ³² РГА ВМФ. Ф. 176. Оп. 1. Д. 54. Л. 66, 136 об., 557 об. ; Архив СПбИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. Д. 2223. Л. 1 об. ; Д. 2231. Л. 1 ; Булавиновское восстание. № 115. С. 302–303 ; № 116. С. 305 ; ПБИПВ. Т. 9, вып. 1. № 2962. С. 14 ; РГАДА. Ф. 9. Оп. 3. Д. 7. Л. 1262.
- ³³ РГА ВМФ. Ф. 176. Оп. 1. Д. 54. Л. 69 об.–70 об., 112 об.–113 об.
- ³⁴ Там же. Л. 558–558 об.
- ³⁵ Булавиновское восстание. № 108. С. 293 ; № 111. С. 296 ; № 120. С. 308–309 ; № 123. С. 311 ; О подавлении народного восстания 1707–1708 гг. № 1. Л. 188 // *Документы // Восточная литература*. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/XVIII/1700-1720/Bulawin/O_podawlenii/text.htm (дата обращения: 14.01.2015) ; Новые материалы о восстании ... № 1. С. 524 ; № 3. С. 541–542, 544 ; РГАДА. Ф. 9. Оп. 2. Д. 18. Ч. 1. Л. 594 ; ПБИПВ. Т. 7, вып. 2. Примеч. к № 2438. С. 892 ; *Подъяпольская Е.П.* Восстание Булавина 1707–1709 гг. С. 163–176.